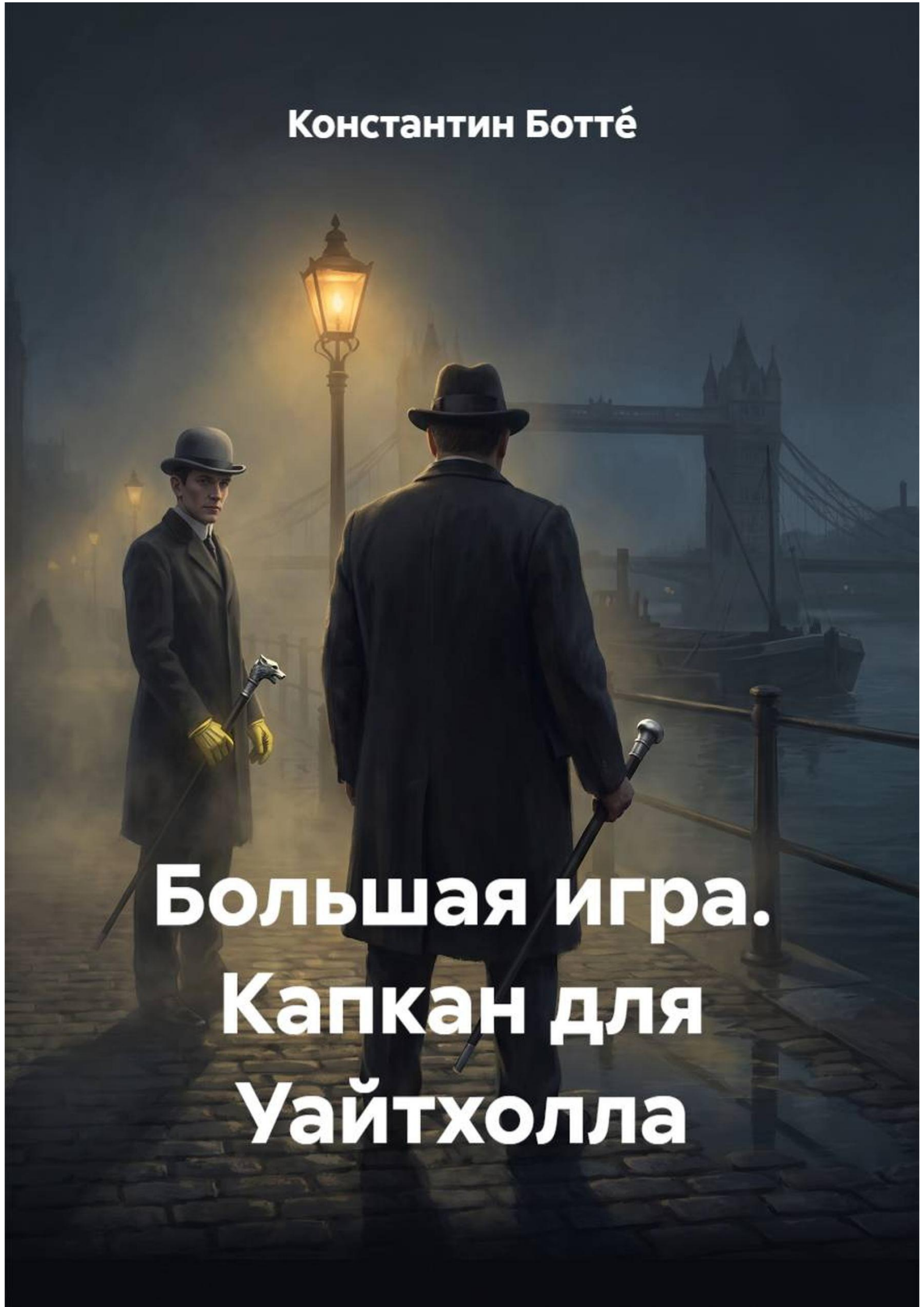

Константин Ботте́
Большая игра.
Капкан для
Уайтхолла

Константин Боттé

Большая игра. Капкан для Уайтхолла

«Автор»
2026

Ботте́ К.

Большая игра. Капкан для Уайтхолла / К. Ботте́ — «Автор», 2026

Весна 1886 года. После сокрушительного провала афганской провокации на реке Кушке и гибели генерала Скобелева невидимая война между Российской и Британской империями перемещается в туманный Лондон.Капитан контрразведки Родион Воронецкий, тайно прибывает в самое логово врага. Его цель, нанести ответный удар по Уайтхоллу и до конца распутать зловещие метастазы предательства опального графа Воронцова-Вельяминова.Контрразведчику предстоит совершить дерзкий налёт на частную психиатрическую лечебницу Блэкхита, чтобы вырвать из застенков Шарлотту Альтенроз, устроить изощренную ментальную дуэль на глазах у высшего света в закрытом клубе Мэйфэра и предотвратить масштабный Кронштадтский подлог, угрожающий всему Балтийскому флоту.Это третья книга тетралогии «Большая игра»

© Ботте́ К., 2026
© Автор, 2026

Константин Ботте́
Большая игра. Капкан для Уайтхолла

Глава 1

Глава 1. Пассажир из Дюнкерка

Торговый пароход «Святой Николай», принадлежавший рижскому судовому товариществу, входил в устье Темзы на исходе седьмых суток тяжёлого балтийского перехода. Балтика всю неделю обрушивала ледяные штормы, но здесь, у берегов Англии, шторм сменился плотным, неподвижным туманом, который британские моряки угрюмо именовали лондонским смогом. Эта серая маслянистая мгла пахла мокрой солью, гниющими водорослями, речной тиной и едкой угольной гарью, которой круглосуточно дымили тысячи фабричных труб Ист-Энда. Туман стоял такой густой, что нос корабля едва угадывался с капитанского мостика, а огромные океанские лайнеры и приземистые угольные баржи возникали из серой пустоты внезапно, словно призраки, оглашая реку пронзительными, тоскливыми гудками.

Родион Воронецкий стоял у самого юта, пальцами вцепившись в холодные, покрытые солью деревянные поручни. Для этой заграничной миссии он снова сменил имя, платье и паспорт. Согласно официальным бумагам, скреплённым печатями Министерства торговли, в Англию прибыл скромный гражданский чиновник Родион Иванов, направленный в лондонское консульство для ведения скучных купеческих регистров.

Для всего остального мира, для жандармского корпуса и петербургских гостиных, капитан Воронецкий окончательно канул в небытие. Полгода назад азиатские пески приняли тела сотен афганских стрелков, а раненый Уильям Кортленд бежал в Мешхед. Воронецкий привез царю Александру III неопровержимые улики измены графа Воронцова-Вельяминова. Но высшая государственная целесообразность снова перечеркнула все планы. Графа не повесили и не сослали на каторгу. Его тихо, без шума в прессе, отправили в бессрочную «отставку по болезни» в его дальнее псковское имение, лишив постов, но сохранив жизнь и дворянскую честь. Справедливость на дипломатическом паркете оказалась фальшивкой. И тогда Воронецкий понял, что его личная война с Уайтхоллом только начинается. Он сам попросил государя о переводе в лондонскую резидентуру. Он направлялся в самое логово врага, чтобы отсечь голову шпионской гидре.

Родион опустил руку в карман своего дорожного пальто из плотного английского сукна. Другая рука, в неизменной чёрной лайковой перчатке, привычно сжала тяжелый стальной набалдашник трости, готовая в любой момент извлечь скрытый внутри граненый штырь. Ожоги, полученные в Туркестане, жестоко ныли от лондонской сырости, а шея под воротником рубахи горела так, словно стальные пальцы Кортленда сжимали её прямо сейчас.

Рядом в кармане жилета мерно тикали отцовские серебряные часы. Их металлический стук был единственным звуком, связывавшим его с далекой, оставшейся за тысячу вёрст Россией. Воронецкий был один на чужой, враждебной территории.

Пароход ткнулся бортом в бревенчатые сваи доков Суррея. Матросы с криками швырнули толстые канаты на грязный, покрытый угольной пылью настил причала. Воронецкий поправил фетровую шляпу, глубоко надвинув её на глаза, подхватил свой кожаный саквояж и сошёл по хлипкому деревянному трапу на английскую землю. Большая игра переходила в свою следующую, лондонскую фазу.

Лондонские доки встретили Родиона оглушительным рёвом толпы. Здесь, на восточной окраине огромного города, где туман смешивался с грязной водяной пылью, наперебой были

слышны крики портовых грузчиков-ирландцев, тащивших на спинах тюки с индийским хлопком, грохотали окованные железом колеса тяжелых телег, а из прибрежных таверн доносился пьяный ор и запах дешёвого джина. Это был Ист-Энд, гигантское, прогнившее брюхо империи, где человеческая жизнь стоила дешевле пинты эля, и где было проще всего затеряться человеку без официального имени.

Воронецкий не стал нанимать кэб у причала. Он слишком хорошо знал, что Скотленд-Ярд и филёры британской Секретной службы плотно держат под надзором всех пассажиров, прибывающих на русских судах. Любой лакированный экипаж мог оказаться ловушкой, а кучер – тайным агентом Уайтхолла.

Контрразведчик пошёл пешком, мерно стуча тростью по склизкой, покрытой гнилыми овощами булыжной мостовой. Он углублялся в лабиринт грязных, узких переулков Уайтчепела. Дома здесь стояли так плотно, что их верхние этажи почти сходились над головой, лишая улицы малейшего притока свежего воздуха. Из подворотен пахло сыростью и помоями. Бродяги, завёрнутые в грязные рогожи, спали прямо на каменных ступенях доходных домов, а малолетние воришки-газетчики провожали одинокого прохожего цепкими, злыми взглядами.

Для обустройства своей первой конспиративной квартиры Воронецкий выбрал именно этот район неслучайно. Уайтчепел был территорией, куда официальная столичная полиция боялась соваться после захода солнца. Здесь правила бал криминальная беднота и радикальные союзы рабочих. Родион, используя свои старые связи с парижским уголовным дном, еще до отъезда из России через подставных лиц арендовал три скромные комнаты на верхнем этаже мрачного кирпичного дома в тупике Коммерческой улицы.

Он поднялся по крутой, скрипучей деревянной лестнице, пахнущей кошачьей мочой и несвежей капустой. Замок на двери, состоящий из простого железного устройства местного производства, поддался его ключу с резким щелчком.

Комната была обставлена скудно: железная кровать, покосившийся комод, грубый стол у окна да пара стульев. Воронецкий прошёл к окну, осторожно, кончиком пальца отодвинул плотную суконную штору и посмотрел вниз, на переулок. Туман сгущался, превращая улицу в серый колодец.

На противоположной стороне тупика, у входа в дешёвую ночлежку, замерла высокая, худощавая фигура в длинном дорожном плаще. Капюшон был наброшен на голову, скрывая лицо. Человек не двигался, он просто стоял, устремив взгляд на окна верхнего этажа.

Воронецкий медленно опустил штору. Его губы сжались в тонкую линию. Британия не ждала его, она выслеживала его от самого причала. Уильям Кортленд или его новые ученики из Уайтхолла уже обложили квартиру невидимыми флажками. Но Родион не чувствовал страха. Напротив, в его груди снова вспыхнул тот самый яростный, фанатичный огонь Большой игры, который когда-то вёл его через пески Геок-Тепе и подвалы Гатчины. Ловушка лондонского капкана была взведена, и теперь контрразведчику предстояло сделать свой первый, самый опасный ход на чужом поле.

На следующий день туман немного рассеялся, уступив место мелкому дождю, который превратил лондонские улицы в грязные зеркала. Воронецкий, переодевшись в строгий штатский сюртук и повязав безупречный шёлковый галстук, направился в Белгрейвию – аристократический район Вест-Энда, где среди роскошных особняков располагалось российское императорское посольство.

Здесь, на Челси, Лондон выглядел иначе. Вместо вони доков и нищеты Уайтчепела были чистые гранитные набережные, породистые лошади, запряженные в лакированные кэбы, и господа в дорогих цилиндрах, спешащие в свои джентльменские клубы. Над массивными железными воротами посольского особняка развевался огромный бело-сине-красный российский флаг. Это был маленький островок империи посреди враждебного океана Британской короны.

Воронецкий прошёл через проходную, предъявив дежурному секретарю свои официальные документы на имя чиновника Министерства торговли Иванова. Его проводили в глубину здания, мимо роскошных залов, украшенных лепниной и портретами государей, в закрытое правое крыло, где располагалась шифровальная канцелярия.

В небольшом кабинете, заставленном стеллажами с тяжелыми дипломатическими гроссбухами, было тихо. Лишь мерно и часто стрекотал новый телеграфный аппарат Сименса, установленный у окна. За оперативным столом, строго выпрямив спину, сидела женщина в тёмном глухом платье. Её тёмно-каштановые волосы были туго уложены в аккуратный узел на затылке, а тонкие пальцы быстро перебирали листы кодовых книг.

При звуке шагов она медленно повернулась и посмотрела на Воронецкого. В её глазах на долю секунды промелькнуло такое глубокое, неприкрытое облегчение, что Родион почувствовал, как его израненное сердце пропустило удар. Александр III выполнил свое обещание. Анна Корсакова была тайно переведена в Лондон три недели назад в качестве главного шифровальщика миссии, чтобы обеспечить «Призрака» надёжной и независимой от МИДа связью с Гатчинским замком.

– С прибытием, Родион Иванович, – тихо, но отчетливо произнесла она, поднимаясь со своего места. Её пальцы инстинктивно коснулись маленького серебряного ключика на тонкой цепочке вокруг шеи. – Я ждала вас. Рижский пароход задержался из-за шторма в Немецком море.

– Дорога была тяжелой, Анна Николаевна, – Воронецкий подошёл к столу, аккуратно положил свою трость и снял чёрную перчатку, протягивая ей руку. Их ладони соприкоснулись, и это короткое, тёплое прикосновение мгновенно вытеснило из его души ледяную сырость Темзы. – Что в столице? Как наш граф в своем псковском уединении?

– Воронцов-Вельяминов сидит тихо, из усадьбы не выезжает, – Анна понизила голос до шепота, указывая на запертую дверь кабинета. – Но его архив в министерстве начали трясти по приказу Черевина. Мы нашли нити, которые ведут в Лондон, к тайным счетам в банке Глина. Уайтхолл недоволен его отставкой. Сэр Мэнсфилд считает, что Воронцов предал их, не передав кавказские шифры перед уходом. Британская Секретная служба готовит ответный удар. Они ищут вас. Филёры Скотленд-Ярда обложили посольство со вчерашнего дня.

Воронецкий медленно кивнул, его взгляд стал пугающе холодным и стальным. Он подошёл к окну и посмотрел сквозь дождевое стекло на улицу. Там, у чугунной решетки посольского сада, лениво прохаживался господин в сером котелке, делая вид, что читает утреннюю газету.

– Пусть ищут, Анна, – ровно произнес Родион, возвращая перчатку на израненную руку. – В Гатчине и в песках Кушки мы играли в обороне, защищая рубежи империи от их диверсий. Но здесь, в Лондоне, правила меняются. Мы пришли в их собственный дом. И я заставлю сэра Мэнсфилда и Кортлена понять, что Гатчинский капкан может захлопнуться и на берегах Темзы. Наша партия начинается. И на этот раз мы сделаем ход первыми.

Анна Корсакова внимательно посмотрела на его суровое, иссеченное шрамами лицо и молча повернулась к телеграфному аппарату, берясь за латунный ключ передатчика. Стрекот Морзе возобновился в тишине кабинета, уходя по медному кабелю через Северное море в Копенгаген, а оттуда в Санкт-Петербург.